
РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Роль религии в денежной благотворительности воцерковленных жертвователей: на примере прихожан московских приходов¹

И.И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ*, М.В. ЧЕРНЫШЕВА**,
И.Е. КОРНЕЕВА***, Г.С. СОЛОДОВА****

***Ирина Игоревна Краснополяская** – PhD, научный сотрудник, эксперт, Центр оценки общественных инициатив, Институт прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 18. E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

****Марина Вячеславовна Чернышева** – кандидат социологических наук, старший преподаватель, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 9/11. E-mail: mchernysheva@hse.ru

*****Ирина Евгеньевна Корнеева** – научный сотрудник, эксперт, Центр оценки общественных инициатив Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 18. E-mail: ikorneeva@hse.ru

******Галина Сергеевна Солодова** – ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН. Адрес: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. E-mail: gsolodova@gmail.com

Цитирование: Краснополяская И.И., Чернышева М.В., Корнеева И.Е., Солодова Г.С. (2021) Роль религии в денежной благотворительности воцерковленных жертвователей: на примере прихожан московских приходов // Мир России. Т. 30. № 2. С. 123–145. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-123-145

Эмпирические исследования на национальных выборах подтверждают значимость религии и религиозности как факторов, определяющих характеристики просоциального поведения, в том числе денежной благотворительности. В настоящей статье мы проанализировали пожертвования, совершаемые воцерковленными прихожанами, в логике дарообмена, выявив разделение пожертвований на помощь ближнему и помощь дальнему кругу. В первом случае это помощь приходу, во втором – благотворительность через некоммерческие организации. Данные получены в ходе личных интервью с прихожанами московских храмов (N=16) и онлайн-опроса православных жертвователей (N=604)

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

в 2019 году. В результате было установлено, что пожертвования ближнему и дальнему кругу имеют разный смысл для благотворителя. Пожертвования ближнему кругу основаны на реципрокном дарообмене и имеют нормативную природу, основаны на поддержании групповой солидарности и принадлежности. Помощь дальнему кругу – это помощь незнакомым людям (нереципрокный дар), и такая благотворительность полезна для веры, борьбы со страстями и индивидуальной духовной работы. Через не реципрокные пожертвования происходит формирование православной самости и совершенствование себя как верующего.

Ключевые слова: церковная благотворительность, светская благотворительность, денежные пожертвования, мотивы, религия, просоциальное поведение, дарообмен, реципрокный дарообмен

Введение

Согласно международным и отечественным исследованиям, принадлежность к той или иной религии и уровень религиозности являются значимыми факторами денежной благотворительности граждан [Sargeant, Woodliffe 2007; Adloff 2016; Bekkers, Wiepking (2) 2011]. Частота, направления и объемы пожертвований верующих отличаются от аналогичных показателей среди тех, кто не считает себя таковыми [Wiepking, Handy 2015]. Степень вовлеченности в религиозные практики и сообщество, частота посещения религиозных организаций также оказывают прямое влияние на характеристики благотворительных пожертвований.

В России постепенно возрождаются традиции православного призрения, растет доля тех, кто относит себя к православной религии, и тех, кто так или иначе вовлечен в религиозные практики. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», 55% россиян считают себя православными и придерживаются православной религии, и большая часть из них (73%) ходят в церковь чаще одного раза в год (2020 г.). Милостыня как одна из форм благотворительности стабильно остается основным вариантом денежной благотворительности, значительно опережая другие форматы совершения пожертвований, например, в благотворительные фонды и другие некоммерческие организации (НКО). Так, большая часть из тех, кто имеет опыт денежных пожертвований (63% россиян в 2019 г.), совершали пожертвования в форме милостыни (38%) или нуждающимся лично в руки (21%). В 2010 г. 51% россиян пожертвовали деньги, 36% делали это в форме милостыни [Мерсиянова 2019].

В российских исследованиях фиксируется положительное влияние принадлежности к тому или иному вероисповеданию на уровень вовлеченности в денежную благотворительность [Мерсиянова 2019]. При этом ученые как в нашей стране, так и за рубежом часто этим и ограничиваются, подтверждая роль религии и уровня религиозности как факторов совершения денежных пожертвований, при этом практически отсутствуют небогословские исследования смыслов, которыми религия наделяет пожертвования, и значения благотворительности для верующих.

Вопросы нашей статьи достаточно простые: если религиозность воздействует на благотворительную деятельность, то каково место религии в ее обосновании?

Как верующие объясняют себе, почему и зачем они делают денежные пожертвования? Мы основываемся на предположении, что поскольку религия оказывает положительное влияние на благотворительность, то, вероятно, она придает дополнительный смысл благотворительности для самого жертвователя.

Действительно, общая система мотивации и перечень мотивов благотворительности достаточно хорошо изучены [Putnam, Campbell 2010; Luria et al. 2015]. Религия перечисляется как один из мотивов, наряду с ценностями, однако отсутствует детальное описание, за счет чего она положительно влияет на пожертвования. В данной статье для понимания практик пожертвований среди воцерковленных граждан и смыслов таких пожертвований для тех, кто их совершает, мы совмещаем две исследовательские перспективы: во-первых, это non-profit studies, изучающие благотворительность в контексте социально-экономических факторов и характеристик жертвователя; во-вторых, это социологическая перспектива дарообмена, базирующаяся на антропологических исследованиях [Moss 2011; Малиновский 2004]. Статья основана на анализе качественных и количественных результатов исследования православных жертвователей (глубинные интервью – N = 16, онлайн-опрос – N = 604).

В первой части статьи мы обозначили две исследовательские перспективы изучения благотворительности и (1) показали, как исследуется благотворительность и каковы основные мотивы такой деятельности в рамках социологического подхода non-profit литературы, (2) встроили благотворительность в логику теоретической перспективы дарообмена. Во второй части кратко проанализировали, какую роль играет благотворительность в основных мировых религиях, включая буддизм, ислам и христианство. Далее в статье описана методология исследования. Полученные результаты продемонстрируют логику дарообмена для ближнего и дальнего круга, смыслы, мотивы и механизмы, лежащие в основе пожертвований для каждого из них.

Денежная благотворительность в социологической и антропологической перспективе

Объяснения причин пожертвований и описание механизмов, лежащих в основе таких практик, – достаточно хорошо разработанная тема. Вопрос о том, что мотивирует людей делать благотворительные пожертвования, включая милостыню, рассматривается во многих теоретических концепциях социальных исследователей, антропологов, экономистов и психологов, показывающих значимость социальных, экономических, культурных и личностных факторов, комбинация которых объясняет частоту, объемы и намерения совершить пожертвования в будущем.

Социологический подход в первую очередь обращает внимание на характеристики индивидов и их социальные роли с целью уточнения, почему одни жертвуют, а другие – нет, и для выявления социального профиля жертвователей. В рамках этого подхода рассматриваются социально-демографические характеристики, этническая и религиозная принадлежность, социально-экономический статус, уровень образования и т. д. [Bekkers, Wiepking (1) 2011; Barman 2017]. Помимо социально-демографического портрета типичного жертвователя, социологи выделяют

мотивы и факторы, которые повышают вероятность совершения пожертвования и влияют на его размер и частоту. Среди исследователей достигнут относительный консенсус по поводу разделения мотивации благотворительности (в т. ч. религиозной) на внутреннюю и внешнюю [Allpor, Ross 1967]. Это в определенной мере интегрирует разнообразные теоретические подходы к мотивам благотворительной деятельности. Внутренняя мотивация относится к ценностям, долгу и убеждениям, к верованиям и альтруистическим установкам; внешняя – к нормам и социальным ожиданиям, социальной и групповой принадлежности, сопричастности и репутации [Jackson et al. 1995; Stavrova, Siegers 2013]. При внешней мотивации (в т. ч. религиозной), совершая благотворительное пожертвование, донор либо ожидает какие-либо материальные или нематериальные поощрения (случай внешней мотивации), либо он следует своим убеждениям или альтруистическим установкам (внутренняя мотивация).

Анализируя факторы пожертвований, Рене Беккерс и Памала Випкинг выявили восемь базовых механизмов, объясняющих причины пожертвований [Bekkers, Wiepking (1) 2011]. Подобные агрегированные подходы, предлагающие комплексное видение мотивов благотворительности, уже публиковались ранее [Schervish, Havens 2003; Havens, O'Herlihy, Schervish 2006]. Механизмы денежной благотворительности на индивидуальном уровне включают как ресурсные факторы, так и личностные и социальные предпосылки: это осознание чужой нужды; получение просьбы о пожертвовании; положительная оценка соотношения выгоды и издержек от пожертвования; альтруистические и другие ценности; повышение репутации жертвователя, получаемое психологическое вознаграждение, возможность реализовать свои ценности; вера в то, что пожертвование имеет смысл и внесет вклад в решение проблемы. Религию как механизм благотворительности обычно относят к группе ценностей и альтруистических установок.

В соответствии с логикой антропологической теории и теории социального обмена, благотворительность является актом дарения. Развивая идею о мотивах, социальные исследователи рассматривают благотворительность через пожертвование как демонстрацию альтруизма, как личную выгоду и реципрокный обмен [Godbout, Caille' 1998; Adloff 2016]. Теория социального обмена в социологии указывает, что любой акт дарения – это результат ожидания последующего вознаграждения [Homans, Behavior 1961; Blau 1964]. Реципрокность обменов [Mocc 2011] формирует идею взаимосвязи личных интересов и норм солидарности в межгрупповом взаимодействии и в экономике дара (обзор см.: [Adloff 2016]). Социологи и антропологи рассматривают благотворительность как способ подтверждения и воспроизводства солидарности и социальной включенности. В данном случае фокус направлен, скорее, на социальное окружение, нормы, социальные сети и взаимодействия, в которые включен индивид [Putnam, Campbell 2010].

Исследователи описывают те или иные выгоды и положительные эффекты (социальные, экономические, альтруистические и психологические), которые жертвователи получают в результате своей благотворительности. Например, в соответствии с теорией рационального выбора экономисты заявляют о материальных выгодах типа поощрений, подарков, налоговых вычетов, а также о нематериальных эффектах, например, о «теплом свечении» (*warm glow*), как о мотивах к совершению пожертвований [Clotfelter 1997; Andreoni, Payne 2013]. Согласно антропологической перспективе, все практики дарения можно условно располо-

жить на континууме, где на одной стороне находится «чистый альтруистичный/бескорыстный» дар, а на другой – непосредственный экономический, бартерный обмен. Вдоль этого континуума «тянутся» реципрокные дарообмены, при этом ни одна из его точек не является достаточной для объяснения пожертвований, а мотивы представляются комбинацией различных элементов.

Чистый альтруизм фактически выходит из логики теории дарообмена, которая под даром подразумевает ту или иную форму обмена. Чистый альтруистический дар совершается без ожидания любой выгоды или положительных эффектов для дарителя и без нормативного давления. Б. Малиновский к чистому альтруистическому дару относил близкие внутрисемейные отношения, например, оказание помощи детям и родителям, основанной на приоритете интереса и потребностей другого [Малиновский 2004]. Концепция чистого дара неоднократно подвергалась критике: так, если М. Мосс полагал, что чистого нереципрочного дара не существует [Мосс 2011], то современные исследователи предлагают заменить понятие «чистый дар» на «невозвратный/свободный дар» (*free gift*) [Elder-Vas 2015; Heath, Calvert 2013]. Такие дары осуществляются без ожидания реципрокных возвратов и могут быть двух типов. В одном случае невозвратные дары осуществляются свободно, без нормативного принуждения, однако часто они не лишены заинтересованности. Примерами таких даров можно назвать современные благотворительные пожертвования незнакомцу, развитие онлайн-проектов, например, Википедии. В результате дарения жертвователи не получают материальных возвратов, но приобретают чувство удовлетворения, значимости и смысла своей жизни. Другой тип свободных даров также не подразумевает ожидание материальных возвратов, но обусловлен нормативным давлением и социальными ожиданиями совершать пожертвования. Дары в близких семейных отношениях, необходимость ученым делиться научными знаниями, пожертвование в приход – это примеры нормативных бескорыстных пожертвований, основанных на нормах и культурных традициях социума.

Реципрокный дарообмен обусловлен главным образом нормативным давлением и групповыми ожиданиями, при этом реципрокность обменов обязательна и становится моральным предписанием для членов сообщества. Императив дара подразумевает необходимость обратного дара и схожесть с логикой рыночного обмена, хотя и не является таковой [Мосс 2011]: в отличие от рыночного обмена, дарообмен не предполагает немедленного возврата. Ответный дар эквивалентен или отдается с избытком, но не тождествен полученному. То, что «засчитывается» за ответный дар, определяется в каждом отдельном социальном и культурном контексте. Нормативная структура обеспечивает функционирование дарообмена и не дает прерываться цепочке «дарить, принимать и отдаривать» [Мосс 2011, с. 152]. Именно воспроизводство дарообменов становится силой, поддерживающей солидарность сообщества [Юдин, Орешина 2016].

Логика дарообмена для изучения денежной благотворительности практически не используется в отечественных эмпирических исследованиях. Условно все работы можно разделить на три группы. Первая группа – это исторические исследования традиций призрения в дореволюционной России и роли религии как основы благотворительности [Солодова 2006; Туманова 2010; Брэдли 2012], в которых вектор внимания нацелен на мотивы морального и религиозного плана. Вторая группа работ рассматривает благотворительность в социологическом контексте реципрокности и дарообмена, хотя пожертвования не являются основным исследовательским

фокусом [Кнорре, Мурашова 2019; Ларкина, Юдин 2015; Юдин, Орешина 2016; Забаев, Зуева, Колошенко 2018]. Третья – это количественные исследования благотворительной деятельности россиян в целом, в которых эмпирически выделяются факторы благотворительной деятельности [Мерсиянова 2010; Мерсиянова 2019; Mersiyanova, Ivanova, Korneeva 2014], стимулы, которые могут способствовать совершению пожертвований в будущем и использоваться в фандрайзинговых кампаниях некоммерческих организаций [Ходорова, Черток 2016]. В нашей статье мы добавляем аналитическую рамку дарообмена в исследования денежной благотворительности, делая акцент на пожертвованиях воцерковленных граждан.

Место благотворительности в религии

Ценности заботы и помощи другим представляют собой обобщающие принципы во всех мировых религиях, в которых милостыня и другие виды благотворительности в той или иной степени обязательны или крайне желательны для верующих, так или иначе закреплены и введены в моральное обязательство. В христианстве – это милостыня и церковная десятина, в исламе – обязательная милостыня закят, в иудаизме – цдака, в индуизме и буддизме – дана, часть религиозного и морального порядка. В иудаизме, например, существует еще несколько форм денежной благотворительности, выделяемых в зависимости от ситуации и целей пожертвования.

Разные виды благотворительности отдельных религий нельзя приравнивать друг к другу; например, милостыня и закят не являются различными понятиями для одной и той же практики: они отличаются содержательно и несут гетерогенный религиозный смысл для донора [Kabalo 2010; O'Halloran 2010]. В рамках данной статьи мы упрощаем такие разделения и в целом кратко обозначим место милосердия и благотворительности в мировых религиях, в которых она основана на чем-то более высоком и устойчивом, чем чувство сострадания или вины, тесно связана с идеей очищения и служения богу с целью оказания помощи ближнему. Например, в исламе получатель благотворительной помощи, будь то обязательная милостыня закят или добровольные пожертвования садака, воспринимается как часть Аллаха и, следовательно, дающий возвращает часть своего богатства Аллаху [Queen, King 1996; Солодова 2015]. В индуизме и буддизме акцент сделан на моральной работе и личностном совершенствовании как результатах благотворительности, они отличаются друг от друга как религиозные направления, но в плане концептуального понимания индивидуальной благотворительной деятельности совпадают. В обеих религиях жертвование называется даной, при этом в буддизме понятие включает амиса-дану, т. е. материальное жертвование, передачу денег, продуктов и других благ, и дхамма-дану, т. е. служение учению Будды. Считается, что сострадание и практики бескорыстной помощи полезны для развития равного отношения ко всем живым существам и ограждают от жадности и алчности, являясь выражением доброты и сострадания дающего. Материальное жертвование – это наиболее простая форма духовной практики, в отличие от полноценного служения [Hoang et al. 2019], смысл амиса-даны – в развитии щедрости и сострадания в самом практикующем. В буддизме социальное взаимодействие в общем описывается через понятия дарообмена и религиозной практики. Дарообмен

обосновывается на обоюдной зависимости буддийских религиозных сословий и их взаимном служении друг другу [Ленков 2019, Островская 2005]. Тот, кто жертвует, получает религиозную заслугу, и это приближает донора к достижению высшей религиозной цели нового рождения [Ленков 2019, Островская 2005]. Однако, как и в теории императивов М. Мосса, полноценный смысл пожертвование получает в случае, если благополучатель пользуется этим даром, т. е. если соблюден второй императив дара – обязанность принять дар.

В христианстве помощь ближнему и незнакомцам – это важнейший принцип веры, введенный в нравственную обязанность. Оказание помощи ближним – это не пожелание, а, скорее, требование, оно носит не рекомендательный характер, а возведено в закон, как и исполнение заповедей и божественной воли. Благотворительность – это возвращение богу того, что им было создано, признание божественного начала в других как в божьих творениях и объединение со всем созданным. В христианской традиции благотворительность – это, скорее, отношения в плоскости «христианин – бог», а не «христианин – нуждающийся». Жертвователь делает это не столько ради помощи конкретному нуждающемуся, но для выполнения своего религиозно-нравственного долга. Богатство дается человеку не для личного удовольствия, но для помощи нуждающимся, и если человек этого не делает, то он не исполняет своего предназначения: «Если ты здоров и богат – ты призван помогать тем, кто несчастен» [Милосердие. Епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон]. Также если человеку дается благополучие, необходимо отдавать из чувства благодарности, ведь «к тебе Бог щедр не по заслугам» [Милостыня. Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского]. Насколько милостыня благотворна для ее принимающих, настолько она спасительна для подающих. Наградой делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге» и это ведет к получению божьей благодати.

В христианстве милостыня понимается как средство очищения от грехов: «милостынями и верами очищаются греси» [Библия: Книга Притчей Соломоновых]. Милосердие, благотворение, очищая от грехов, возвращают милость бога и являются средством лечения духовных ран: «благотворение, подобно крещению, снова возвращает нам милость Божию» [Карфагенский 2016, с. 6]. Другими словами, если для принимающего часто более важна материальная сторона, то для дающего более актуальны духовная, нравственная и эмоциональная значимость милостыни.

Христианское учение, как и другие мировые религии, сформировало значимые предпосылки благотворительной деятельности, что подробно отражено в богословских и церковных предписаниях, в православной педагогике (напр., [Ланге 2014]). Однако социальные исследователи, изучающие благотворительную деятельность, чаще всего ограничиваются тем, что констатируют наличие просоциальных установок в религиозных учениях и разделяют религиозную мотивацию к благотворительности на внешнюю и внутреннюю. Большинство зарубежных работ посвящено благотворительности в контексте католической, протестантской или мусульманской веры [Berger 2006; Kashif, De Run 2015], за редким исключением исследований христианства и отдельных страновых исследований [Grönlund, Pessi 2015].

Чтобы восполнить этот пробел, мы постарались понять, какие смыслы дает религия воцерковленным православным христианам, становятся ли религиозные соображения действительно единым мотивом, как обычно указывается в исследованиях.

Методология и характеристика выборки

В статье использованы результаты исследования жертвователей православной службы помощи «Милосердие»² и прихожан московских храмов. Исследование проведено методами глубинного полуструктурированного интервью и онлайн-опроса. На первом этапе брались личные интервью с жертвователями службы помощи «Милосердие» и с прихожанами московских храмов (мужчины и женщины разных возрастов), делающими пожертвования в адрес различных благотворительных фондов (2019 г.). Все опрошенные – воцерковленные прихожане, т. е. участвуют в таинстве причастия не реже, чем раз в квартал. Всего было проведено 16 интервью, результаты которых использованы для написания данной статьи³. Интервью были транскрибированы, проведены процедуры открытого и осевого кодирования [Страусс, Корбин 2001].

На втором этапе с учетом результатов интервью была разработана анкета для онлайн-опроса тех, кто совершает разовые или регулярные пожертвования в адрес СП «Милосердие»; всего получено 604 анкеты. Использовалась стихийная выборка – информация об исследовании и ссылка на опрос были размещены на порталах miloserdie.ru, miloserdie.help и их социальных сетях, сделана рассылка подписчикам портала pravoslavie.ru⁴. В данной статье мы используем только один срез результатов онлайн-опроса – распределение денежных пожертвований православных жертвователей.

Церковные пожертвования православных жертвователей: помощь ближнему кругу

Денежная благотворительность воцерковленных граждан, как правило, включает два обязательных элемента, каждый из которых имеет разный смысл и по-разному объясняется респондентами. Первый – это церковная благотворительность, т. е. пожертвования на нужды и содержание прихода, связанные с покупкой свечей или подачей записок на службы, а также с другими церковными ритуалами

² Православная служба помощи «Милосердие» является одним из крупнейших фандрайзинговых фондов в нашей стране, наряду с фондами «Подари Жизнь», Русфонд, Благотворительный фонд помощи детям (WorldVita) (Самые масштабные фандрайзинговые фонды (2020) // RAEX. 14 апреля 2020 // https://raex-rr.com/charity/fundraising_funds/rating_of_large-scale_fundraising_funds).

³ Распределение респондентов качественного этапа исследования и их характеристики представлены в *Приложении 1*.

⁴ Выборка онлайн-опроса не репрезентативна для населения в целом или для тех, кто делает благотворительные денежные пожертвования тем или иным способом. Подавляющая часть опрошенных (97%) – православные христиане, преимущественно воцерковленные: три четверти из них посещают храм не реже одного раза в месяц, почти половина участвует в таинствах исповеди и причастия не реже одного раза в месяц. В целом среди опрошенных респондентов больше женщин (82%), людей с высшим образованием (89%), со средним уровнем материального благосостояния (78%), семейных (56%) и тех, у кого есть дети (67% опрошенных). При этом возрастное распределение достаточно равномерно – приблизительно по 20% опрошенных из каждой возрастной группы, кроме трети опрошенных в возрасте 34–41 года. Выборка включает респондентов-москвичей не только из Москвы (53%), но и из других городов-миллионников (12%), средних (100 тыс. – 1 млн чел.; 22%) и малых городов и сел (13%).

и таинствами. Такие пожертвования во многом определены семейными традициями, нормами солидарности и реципрокности обменов в приходе и воспринимаются жертвователями как помощь ближнему кругу. Второй элемент в структуре благотворительности – светские пожертвования в благотворительные фонды и другие НКО, а также пожертвования незнакомым нуждающимся людям лично; такая благотворительность понимается как пожертвования дальнему кругу, незнакомцам.

Мы не нашли подтверждения тому, что церковная благотворительность вытесняет светскую из общего бюджета выделяемых на эти цели средств: так, по данным онлайн-опроса, 79% опрошенных делали пожертвования на нужды храма (содержание, ремонт и украшение храма), 31% жертвовали на строительство храма, воскресной школы и пр. Пожертвования в адрес СП «Милосердие» совершались как разово, так и регулярно: две трети опрошенных делали разовые пожертвования достаточно часто, не реже одного раза в 2–3 месяца, при этом 40% жертвовали в пользу НКО как разово, так и регулярно, и 17% были подписаны на регулярные пожертвования⁵. Размер пожертвований более половины опрошенных не превышал 500 руб., еще четверти – 1000 руб. В интервью часть респондентов говорили о тратах на благотворительность (как церковную, так и светскую) в терминах десятины, нормативно обусловленной Библией. У других респондентов траты на благотворительность не фиксировались и зависели от доходов респондентов и количества поступающих просьб.

Церковная благотворительность распространена достаточно широко, это привычная практика помощи своему храму и делам прихода, о которой говорили все информанты. Прихожане передают наличные средства напрямую священникам, перечисляют на счет храма или на банковские карты, оставляют деньги в ящиках с надписями о целях пожертвования «на храм», «строительство воскресной школы», «на украшение храма» и т. д. При этом опрошенные прихожане редко задумываются о результативности таких пожертвований, совершают их «автоматически» при каждом посещении храма. Более того, денежные взносы, связанные с церковью, часто не ассоциируются у информантов со словом «благотворительность» – используются такие термины, как «милостыня», «пожертвование». «Благотворительность» представляется как помощь дальним и незнакомым, в то время как поддержка храма воспринимается как помощь ближнему кругу, включающему для воцерковленных опрошенных как сам приход, храм, членов общины, так и членов семьи, родственников или знакомых, за которых молятся прихожане. Делать пожертвования для ближнего круга относительно просто, поскольку цель и получатели помощи понятны и близки. Отношения воцерковленных прихожан с приходом можно объяснить/описать в общинной логике «гемайншафт» (Ф. Теннис), которая основана на родстве и близких связях, солидарности и характеризуется высокой моральной сплоченностью. В таких сообществах у индивидов высок уровень межличностного доверия и есть понимание в отношении норм и правил поведения, исполнение которых от них ожидается. Такие нормы усваиваются в ходе религиозной социализации и в период первоначального воцерковления, и часто действия становятся традиционными [Вебер 1990], а потому практически не рефлексированы.

⁵ В этом случае с банковской карты или с баланса телефона ежемесячно списывается фиксированная сумма.

Церковные пожертвования объясняются не только доверием к приходу и служителям церкви, но и неформальными нормами совершения пожертвований в храме, когда от прихожан ожидается их выполнение. Осуществление церковных пожертвований помогает сохранять самопрезентацию религиозного человека и действовать в соответствии с этим образом [Clary, Snyder 1991; Grönlund, Pessi 2015]. Следовательно, прихожане подтверждают право доступа в приходское сообщество, основания своей включенности и своей принадлежности к приходу. В этом плане пожертвования на приход и храм являются способом укрепления и воспроизводства солидарности приходского сообщества, поддержания его стабильности и подтверждения принадлежности самого жертвователя. Действительно, данные эмпирических исследований демонстрируют положительную связь между уровнем церковных пожертвований и включенностью в дела прихода вне зависимости от конкретного вероисповедания [Helms, Thornton 2012; Forbes, Zampelli 2013].

«У меня с детства так было: когда я со своими родителями ходила в храм, папа нам всегда давал с братом по 50 рублей, и мы оставляли их на нужды храма» (ж., 27 лет).

«Я считаю, что так принято. Когда у нас после проповеди идут целовать крест, ставят детей с корзинками, и все, практически все прихожане кладут деньги, некоторые кладут в каждую корзинку» (м., 38 лет).

«И: А почему вы участвуете в помощи храму?»

Р: Потому что я чувствую себя членом общины. И вместе с другими членами общины я решаю какие-то проблемы храма. Потому что это мое, это моя община, это мой храм, куда я хожу» (ж., 62 года).

Воспроизводство солидарности в приходском сообществе поддерживается через постоянные процессы реципрокных дарообменов между храмом, приходом и прихожанами. Со стороны храма это непосредственная работа священников, их духовный труд, а также бесплатные возможности и занятия для прихожан, например, занятия в детской или взрослой воскресной школе, кружки по интересам, чаепития, экскурсии, раздача просфор и т. д. Такие действия со стороны храма запускают процессы дарообмена, активизируют и нормализуют мотивацию ответных шагов со стороны прихожан [Юдин, Орешина 2016]. Так, со стороны прихожан их участие в дарообмене включает совершение пожертвований, помощь в делах храма, уборке, подготовке к праздникам, ремонте и т. д. Пожертвования на храм воспринимаются прихожанами как своеобразная оплата труда священника и становятся мерой благодарности священникам за духовное окормление. Речь идет не о прямых экономических отношениях оплаты труда, но о даре, пожертвовании за духовные труды священников. Н.Н. Емельянов и Г.Б. Юдин выделяют «пастырскую модель дарообмена», указывая на центральную роль священника в инициации процессов дарообмена в приходе [Емельянов, Юдин 2018].

«Я прихожу в храм, для священника это работа. Естественно, он же ведет службу, он же уделяет этому время. И как бы ему лично естественно деньги не отдаю, но я жертвую на храм, на нужды храма» (ж., 38 лет).

«Мой ребенок ходит в воскресную школу, но мы это не оплачиваем. Поэтому мы вносим какие-то пожертвования, но это все на добровольной основе. Люди стараются, я тоже должна как-то стараться, я так считаю. Это один из видов моего участия в жизни храма» (ж., 38 лет).

Принадлежность сообществу храма создает социальный капитал для сети ее участников. На основе доверия, общих норм и ценностей участники укрепляют горизонтальные связи, которые становятся формой социального капитала, подразумевающего взаимовыручку и повышающего качество жизни местного сообщества, уровень социально-экономического благосостояния [Putnam, Campbell 2010]. В случае сложных жизненных обстоятельств члены прихода могут оказывать нуждающемуся поддержку, в т. ч. финансовую. Принадлежность к приходскому сообществу обеспечивает доверие к просителю, членам прихода возможно выделение больших сумм, нежели незнакомым людям. Община участвует в помощи знакомым, жертвуя средства лично, а также собирая пожертвования в копилки, использование которых более предпочтительно, т. к. они позволяют обезличенно жертвовать небольшие суммы всем желающим помочь. В теории дарообмена до того момента, когда подарок возмещен, т. е. подарен обратный дар, между дарящим и получающим возникают отношения иерархии и долженствования. В случае помощи со стороны прихода такая ситуация не возникает, поскольку осуществляется не личная помощь от прихожанина к просящему, а обезличенная совместная помощь от многих прихожан нуждающемуся [Юдин, Орешина 2016].

«Была такая ситуация: обратилась ко мне одна из знакомых прихожанок. У меня, к счастью, в этот момент были деньги. Я дала ей, и для себя решила, что не надо мне ничего, потому что какая-то премия была, обойдусь. Незнакомым людям большие суммы не даю» (ж., 55 лет).

«Мы можем собрать деньги какому-нибудь знакомому, который постоянно посещает храм, знает нас. Если нужна какая-то помощь, ставят копилку, и люди помогают» (ж., 31 год).

Отдельный важный мотив пожертвований на храм православных христиан – жертва на помин души. Внося средства на храм, православные также молятся о телесном здравии в земной жизни и спасении души близких в загробном мире. Такая просьба, обусловленная общей нормой заботы о родных, является бескорыстным даром.

«Если про мотивацию: у всех есть родственники и не все воцерковленные <...>, мы это понимаем. Для меня жертва именно на храм – это на помин души. Я понимаю, что я это для них делаю» (ж., 37 лет).

Таким образом, церковная благотворительность часто регулируется нормативно, пожертвования определены традицией и ожидаются от прихожан храмов,

а внутригрупповая солидарность поддерживается посредством постоянных реципрокных дарообменов. В социальном плане функции церковных пожертвований для ближнего круга приходского сообщества – это групповая солидарность, формирование и воспроизводство принадлежности к приходскому сообществу.

Светская благотворительность православных жертвователей: помощь дальнему кругу

Помимо благотворительности, связанной с деятельностью храма и религиозными таинствами, православные жертвуют в адрес нецерковных организаций, фондов и других НКО или лично незнакомым нуждающимся. Такие пожертвования (благотворительность для дальнего круга) по своему смыслу и значимости отличаются от церковных пожертвований. Получатель помощи в этом случае – человек для жертвователя незнакомый, и чаще всего они никак не связаны и не пересекаются в повседневной жизни. Логика дарообмена напрямую не применима к благотворительным пожертвованиям для дальнего круга, особенно в сравнении с церковными пожертвованиями для ближнего приходского круга. В этом случае жертвователь не может ожидать от благополучателя реципрокного поведения и какого-либо обратного действия. Такую благотворительность исследователи объясняют мотивацией «свободного дара», поскольку жертвователь не включен в дарообмен с тем, в чью пользу совершает пожертвование [ElderVas 2015]. В отличие от привычной и ожидаемой в приходском сообществе церковной благотворительности, нецерковные пожертвования – это результат размышлений и личного выбора жертвователя.

Объясняя милостыню и благотворительность в христианстве, исследователи чаще всего апеллируют к заповеди возлюбить ближнего. В пример приводят евангельскую притчу о добром самаритянине [Библия: Евангелие от Луки]. В притче дан ответ на вопрос о границах, кто является человеку ближним и кому следует оказывать помощь: это любой нуждающийся человек вне зависимости от его вероисповедания, социального положения или национальности. Все люди – братья и сестры, созданные богом, поэтому в делах милосердия не должно быть разделения, кому помогать. Христианство вводит помощь в непререкаемую обязанность, как и в других религиях, благотворительность понимается не как акт великодушия богатого по отношению к бедному, но как обязанность по отношению к богу, а не к людям [Солодова 2006]. Так христианство задает систему координат (в т. ч. в отношении пожертвований), которая формирует рефлексивную норму поведения.

«Например, на хлеб 3500 собирают. Ну почему на хлеб не кинуть 3500? Конечно, большая сумма, но детям же на хлеб. Опять же в голове сидит: “Накорми нуждающихся”» (ж., 46 лет).

Светская благотворительность дальнему кругу представляет собой не только инструмент выполнения христианской заповеди помощи ближнему, но и способ

борьбы со страстями, мешающими исполнению этой заповеди. Опрошенные воспринимают милосердие не просто как религиозную норму, но и осознают, для чего эта норма введена, и объясняют пользу милосердия для души через борьбу со страстями. Принятие незнакомца как ближнего, т. е. перевод его из дальнего круга в ближний круг, оказание ему помощи – сложная задача, требующая серьезной работы над собой. Речь идет как об относительно простых соображениях материального плана и разделении бюджета, так и о принципиальном решении помогать незнакомым людям в дополнение к помощи ближнему кругу, семье, родственникам и приходу. Милосердие по отношению к дальним требует дополнительных усилий воли, а помощь незнакомому не предполагает реципрокных возвратов или благодарности. Согласно учению церкви, человеческой природе свойственно не отдавать, но брать; страсти, в частности жадность, разрушают человека и отдалают его от бога, а ресурсы даются человеку не для того, чтобы еще больше обогащаться, но для того, чтобы помогать ближним. В этом смысле религия учит смирению, спокойному отношению к деньгам. Как следствие, христианину необходимо бороться со своей грешной природой, очищаться от грехов и через такие усилия приближаться к образу божьему. Милосердие полезно для спасения как практика духовной работы над собой, стяжания любви к ближним⁶.

«Мы же все созданы богом. Неважно, что сейчас мы православные, а рядом с нами может быть мусульманин, ему может быть точно также плохо в этот момент. Он может быть вообще неверующий» (ж., 37 лет).

«Это способ борьбы со своими грехами. Когда мы расстаемся с тем, что нам очень нужно ради кого-то, кому может быть это нужнее, более важно и жизненно необходимо, чем нам сейчас, то мы боремся со своими грехами» (ж., 55 лет).

«Р: В определенном смысле пожертвования в фонд – это больше для дальних, а молитва и жертва в храме – для близких. С этой точки зрения помощь дальним ценнее, чем помощь близким.

И: Почему?

Р: Потому что ты их не знаешь, ты не предполагаешь от них даже “спасибо”. Твой вклад в этом смысле больше, потому что близкие тебя могут поблагодарить за что-то, а дальние даже не знают, что ты для них что-то сделал, поэтому твой духовный рост в этом смысле больше, когда ты жертвуешь тому, кто тебя не знает, и никогда тебя не поблагодарит, кого ты никогда не увидишь» (ж., 62 года).

Форма пожертвований в благотворительные организации, при которой помощь дальнему анонимна и безлична, приближена к идеалу православного бескорыстного служения – ориентации на потребности другого человека, отсутствие благодарности и реципрокных даров. Предложение обратных даров со стороны благотворительных фондов может вызвать негативную реакцию жертвователя.

⁶ Интересно, что рекуррентные пожертвования, т. е. ежемесячное списание средств с карты в пользу той или иной некоммерческой организации, упрощают процесс духовной борьбы при сохранении результата. Донору не нужно каждый месяц самостоятельно решать, высылать деньги на благотворительность или оставить на свои нужды, – средства списываются автоматически.

«Мне писали, что я – друг фонда, так как я оформила подписку. Я не помню, почему меня так переключило, мне пришло письмо, казалось бы, абсолютная норма. Письмо было следующего содержания: “Теперь Вы можете отправлять записки на проскомидию или что-то другое по мере поступления Ваших пожертвований. Вы нам пожертвовали, а теперь Вы можете после пожертвования присылать имена Ваших близких, записочки присылайте”. Не могу сказать, что после этого отписалась, но, наверное, это было каким-то из мотивов» (ж., 37 лет).

Однако нельзя назвать пожертвования дальнему кругу чистым, незаинтересованным даром. Дары незнакомцу действительно не предполагают материальной реципрокности и являются свободным даром, однако они также мотивированы преимуществами для дающего [Elder-Vass 2015]. Так, респонденты уточняли, что благотворительные пожертвования дальнему приносят им больше удовлетворения, эмоциональной отдачи, нежели помощь близким. Здесь мотивы участия в благотворительности, обусловленные религией, пересекаются с секулярными мотивами. С одной стороны, эмоциональная отдача объясняется с опорой на религиозное учение: христиане, соблюдающие данные богом заповеди, в т. ч. быть милостивым, становятся счастливыми уже на земле, т. к. избавляются от своих страстей. Среди нерелигиозных мотивов отмечались такие, как удовлетворение от того, что решается реальная проблема незнакомых людей; ощущение собственной значимости и дееспособности, ведь есть нуждающиеся, которым можешь помочь.

*«Когда ты что-то делаешь не для себя, когда для брата, для родственников, ну это понятно, а когда для кого-то, это совершенно другой подъем создается» (ж., 46 лет).
«Больше удовлетворения мне как личности приносит пожертвование в фонд. Почему? Потому что я знаю, что за этим пожертвованием последовало какое-то действие, появились какие-то материальные блага для нуждающегося. Плюс ощущение, что я дееспособна, что я в определенном смысле достаточно успешна и могу отдать что-то» (ж., 62 года).*

Еще один смысл благотворительности для индивидуальной духовной и религиозной работы состоит в том, что благотворительность – это действие, совершаемое ради и в соответствии с верой, которая предполагает активную позицию христианина по отношению к ближнему, и то, как человек демонстрирует любовь к нему, становится показателем любви и преданности богу. В этом понимании благотворительность связана с осознанием позиции «мы проводники дела Божьего»: *«Вера без действий мертва»* (ж., 62 года).

Светская благотворительность, таким образом, отчасти обусловлена следованием религиозным нормам, но также представляется способом личного духовного роста христианина, нравственного совершенствования и борьбы со страстями. Об этом респонденты говорили чаще всего, объясняя, какой они вкладывают смысл в благотворительную деятельность. Через нецерковные пожертвования происходит формирование православной самости и совершенствование себя как верующего. Благотворительность дальнему является более сложной формой

милосердия, т. к. необходимо постоянно принимать самостоятельные решения в отношении пожертвований. Такая форма наиболее приближена к идеалу православному милосердия, потому что не предполагает реципрокных даров. Однако именно такой тип благотворительности приносит респондентам большее удовлетворение и положительные эмоции.

Ключевая связь между религией и благотворительностью состоит в том, что религия создает дополнительные смыслы, объясняя и обосновывая благотворительную деятельность, которая оказывается полезной для веры и индивидуальной духовной работы в религиозном плане. Если милосердие по отношению к близким и на нужды храма преимущественно регулируется традициями, нормами солидарности, долгом и реципрокными дарообменами, то светская благотворительность, помощь дальним и незнакомым людям базируется на религиозных заповедях и моральных основаниях, регулируется индивидуальным стремлением выполнять христианские заповеди. Также именно в светской благотворительности наиболее явно пересекаются религиозные и секулярные мотивации денежных пожертвований.

Заключение

Во всех мировых религиях благотворительность всегда поощрялась, а милостыня и пожертвования изначально были обязательными. Эмпирические исследования на национальных выборках подтверждают значимость религии и религиозности как факторов, определяющих характеристики просоциального поведения, в т. ч. денежной благотворительности: установлено, что религиозные и воцерковленные граждане более активны в плане благотворительности, чем их нерелигиозные сограждане.

Исследовательский вопрос статьи состоял в определении смыслов благотворительных пожертвований для религиозных жертвователей. Речь шла о пожертвованиях на церковные или светские цели, о пожертвованиях лично в руки или в организации, благотворительные фонды или НКО. Мы исходили из предположения, что поскольку религия положительно влияет на благотворительность, то, вероятно, она придает дополнительный смысл благотворительности для самого жертвователя.

На основе проведенных интервью с воцерковленными жертвователями мы показали, что денежные пожертвования воцерковленных жертвователей неоднородны и разделяются на (1) церковные пожертвования в приход, нужды церкви и (2) светскую благотворительность – пожертвования дальнему кругу, незнакомым людям через некоммерческие организации. Для жертвователя (члена прихода) церковные пожертвования являются пожертвованием ближнему кругу и основываются не только на традициях, но и на отношениях реципрокного дарообмена между приходом, священниками и прихожанами. Приход понимается как ближний круг, когда пожертвование – это не безвозвратное пожертвование, а обмен; или как семья, когда все принадлежит всем и когда забота не воспринимается как дар или пожертвование [Godbout, Caillé 1998]. На основании императива дара в приходском сообществе поддерживается групповая солидарность, пожертвования связаны с принадлежностью к общине и с осознанием своих ролей в ней.

Симметричность таких обменов может соблюдаться не всегда [Кнорре, Мурашова 2019], но для прихожанина это менее значимо, чем факт вовлеченности и принадлежности к сообществу и жертвованию своих средств на благо церкви.

Светские пожертвования в некоммерческие организации представляют собой пожертвования дальнему кругу, незнакомым людям. Некоммерческие организации как промежуточное звено между жертвователем и благополучателем полностью исключают возможность реципрокности пожертвования, НКО разделяют донора и непосредственного благополучателя [Barman 2007], и в этом смысле дар становится анонимным [Adloff 2016]. Благополучатель ничего не знает о жертвователе, он лично с ним не знаком, т. е. НКО развивают благотворительность и мотивируют донора без прямого обещания и ожидания реципрокности [Elder-Vass 2015]. Для жертвователя такая нереципрокная благотворительность играет значимую роль в формировании и совершенствовании его духовного и религиозного состояния. Пожертвования дальнему кругу, незнакомцам воспринимаются как религиозная практика, борьба со страстями, что в итоге приближает жертвователя к богу.

В этом смысле благотворительность христиан не ограничивается трактовкой пожертвований только как нормативной практики, выполнение которой предписано религиозным учением или обязательствами перед церковью. Благотворительность обусловлена ценностной инструментальной рациональностью прихожан [Вебер 1990], где цель определяется религиозными ценностями, а выбор средств для достижения этих целей субъективно разумен и рационален. В отличие от церковной жертвы, ориентированной на помощь ближним, благотворительность незнакомцу в большей степени способствует духовному росту, т. к. требует усилий воли и не предполагает реципрокных возвратов. Следовательно, благотворительность для религиозного человека во многом определяется внутренней мотивацией и является элементом духовной работы и формирования своей религиозной самости, совершенствования себя как верующего. Также именно светская благотворительность приносит жертвователю большее удовлетворение: если пожертвования в приходе, ближнему кругу обусловлены дарообменом и долженствованием, то свободный дар доставляет большую эмоциональную радость.

Литература

- Библия: Евангелие от Луки. Стих 10:30 // <https://www.rusbible.ru/sinodal/lk.10.30.html>
Библия: Книга Притчей Соломоновых. Стих 15:27 // <http://rusbible.ru/slavic/pritch.15.27.html>
Брэдли Дж. (2012) Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф.
Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. М.: Прогресс.
Емельянов Н.Н., Юдин Г.Б. (2018) Структурная позиция священника в системах дарообмена // Социологическое обозрение. Т. 17. № 3. С. 9–29.
Забаев И.В. (2005) Православие и хозяйство. Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ, XIX – начало XXI вв. // Экономическая социология. Т. 6. № 5. С. 108–144.
Забаев И.В., Зуева А.В., Колошенко Ю.А. (2018) Смирение и дар: избирательное сродство институтов и этики на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 1. С. 33–62.

- Карфагенский К. (2016) Книга о благотворительности и милостыне. М.: Сибирская Благовонница.
- Кнорре Б., Мурашова А. (2019) Реципрокность «по благословению»: дискуссионные вопросы дарообмена в церковном социальном пространстве // Социологическое обозрение. Т. 18. № 4. С. 186–211.
- Ланге Т. (2014) Благотворительность и милостыня как важнейшие аспекты христианского благочестия в творениях отцов доникейского периода // Христианское чтение. № 1. С. 35–50.
- Ларкина Т.Ю., Юдин Г.Б. (2015) Теория дарообмена и формирование сообществ. Препринт ПСТГУ. Серия 2221–7320.
- Ленков П.Д. (2019) Социальное служение в буддизме: анализ релевантных концептов // Религия. Церковь. Общество. № 8. С. 136–159.
- Малиновский Б. (2004) Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН.
- Мерсиянова И.В. (2010) Участие россиян в денежных пожертвованиях: факторы и уровень вовлеченности // Экономическая социология. Т. 11. № 5. С. 26–53.
- Мерсиянова И.В. (2019) Частные пожертвования в России: что движет жертвователями? // НИУ ВШЭ. 12 июля 2019 // <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/298462496>
- Милосердие. Епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон // Православная энциклопедия «Азбука веры» // <https://azbyka.ru/1/miloserdie>
- Милостыня. Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского // Православная энциклопедия «Азбука веры» // https://azbyka.ru/otchnik/Ioann_Kronshtadtskij/simfonija-po-tvorenijam-svjatogo-pravednogo-ioanna-kronshtadtskogo/132
- Мосс М. (2011) Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: КДУ.
- Островская Е.А. (2005) Религиозная модель общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Солодова Г.С. (2006) Представления христианства о социальном неравенстве и труде // ЭКО. № 6(384). С. 138–154.
- Солодова Г.С. (2015) Исламская традиция и отношение к богатству мигрантов-мусульман // ЭКО. № 9(495). С. 158–165.
- Страусс А., Корбин Д. (2001) Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: УРСС.
- Туманова А.С. (2010) Благотворительность и общественное призрение в истории России X – начала XX в.: Институционализация в контексте общественного развития // Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. (ред.) Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ. С. 54–114.
- Ходорова Ю., Черток М. (2016) Исследование частных пожертвований в России 2015–2016 гг. М.: Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ».
- Ходорова Ю., Черток М., Смит М. (2014) Сострадание и спонтанность: Исследование массовых пожертвований в России. М.: Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ».
- Юдин Г.Б., Орешина Д.А. (2016) Дарообмен и регуляция потребительского кредитования в сообществах: случай православных приходских общин // Социологический журнал. № 2. С. 110–134.
- Adloff F. (2016) Approaching Philanthropy from a Social Theory Perspective // The Routledge Companion to Philanthropy (eds. Jung T., Phillips S.D., Harrow J.), Routledge, pp. 76–90.
- Allport G.W., Ross J.M. (1967) Personal Religious Orientation and Prejudice // Journal of Personality and Social Psychology, vol. 5, no 4, pp. 432–443.
- Andreoni J., Payne A.A. (2013) Charitable Giving // Handbook of Public Economics, vol. 5, pp. 1–50.
- Barman E. (2017) The Social Bases of Philanthropy // Annual Review of Sociology, vol. 43, pp. 271–290.
- Bekkers R., Wiepking P. (1) (2011) A Literature Review of Empirical Studies of Philanthropy: Eight Mechanisms that Drive Charitable Giving // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, vol. 40, no 5, pp. 924–973.
- Bekkers R., Wiepking P. (2) (2011) Who Gives? A Literature Review of Predictors of Charitable Giving. I: Religion, Education, Age, and Socialization // Voluntary Sector Review, vol. 2, no 3, pp. 337–365.

- Berger I.E. (2006) The Influence of Religion on Philanthropy in Canada // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 2, pp. 110–127.
- Blau P.M. (1964) *Exchange and Power in Social Life*, New York: John Wiley.
- Clary E.G., Snyder M. (1991) A Functional Analysis of Altruism and Prosocial Behavior: The Case of Volunteerism // *Review of Personality and Social Psychology*, Vol. 12. Prosocial Behavior (ed. Clark M.S.), Sage Publications Inc., pp. 119–148.
- Clotfelter C.T. (1997) *The Economics of Giving*. Working Papers 97-19, Duke University, Department of Economics.
- Elder-Vass D. (2015) Disassembling Actor-network Theory // *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 45, no 1, pp. 100–121.
- Forbes K.F., Zampelli E.M. (2013) The Impacts of Religion, Political Ideology, and Social Capital on Religious and Secular Giving: Evidence from the 2006 Social Capital Community Survey // *Applied Economics*, vol. 45, no 17, pp. 2481–2490.
- Godbout J.T., Caille A.C. (1998) *World of the Gift*, McGill-Queen's Press.
- Grönlund H., Pessi A.B. (2015) The Influence of Religion on Philanthropy across Nations // *The Palgrave Handbook of Global Philanthropy* (eds. Wiepking P., Handy F.), London: Palgrave Macmillan, pp. 558–569.
- Havens J.J., O'Herlihy M.A., Schervish P.G. (2006) Charitable Giving: How much, by Whom, to What, and How // *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*, vol. 2, pp. 542–567.
- Healy N.M. (2000) *Church, World and the Christian Life: Practical-prophetic Ecclesiology*, Cambridge University Press.
- Heath S., Calvert E. (2013) Gifts, Loans and Intergenerational Support for Young Adults // *Sociology*, vol. 47, no 6, pp. 1120–1135.
- Helms S.E., Thornton J.P. (2012) The Influence of Religiosity on Charitable Behavior: A COPPS Investigation // *The Journal of Socio-Economics*, vol. 41, no 4, pp. 373–383.
- Hoang H.T., Nguyen T.T., Reynolds J.F. (2019) Buddhism-based Charity, Philanthropy, and Social Work: A Lesson from Vietnam // *International Social Work*, vol. 62, no 3, pp. 1075–1087.
- Homans G.C., Behavior S. (1961) Its Elementary Forms // *Social Behavior*, vol. 119, no 3, pp. 488–531.
- Jackson E.F. et al. (1995) Volunteering and Charitable Giving: Do Religious and Associational Ties Promote Helping Behavior? // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 24, no 1, pp. 59–78.
- Kabalo P. (2010) Philanthropy and Religion, Judaism // *International Encyclopedia of Civil Society* (eds. Anheier H.K., Toepler S.), New York: Springer, pp. 1175–1181.
- Kashif M., De Run E.C. (2015) Money Donations Intentions among Muslim Donors: An Extended Theory of Planned Behavior Model // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, vol. 20, no 1, pp. 84–96.
- Luria G., Cnaan R.A., Boehm A. (2015) National Culture and Prosocial Behaviors: Results from 66 Countries // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 44, no 5, pp. 1041–1065.
- Mersyanova I.V., Ivanova N., Korneeveva I. (2014) Russians' Participation in Cash Donations: Factors and Level of Involvement. Series SOC "Sociology" No. 53/SOC/2014, Moscow: HSE.
- O'Halloran K. (2010) Charity and Religion // *International Encyclopedia of Civil Society* (eds. Anheier H.K., Toepler S.), New York: Springer.
- Putnam R.D., Campbell D.E. (2010) Walking away from Church // *Los Angeles Times*, October 17, 2010 // <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2010-oct-17-la-oe-1017-putnam-religion-20101017-story.html>
- Queen C.S., King S.B. (eds.) (1996) *Engaged Buddhism: Buddhist Liberation Movements in Asia*, SUNY Press.
- Sargeant A., Woodliffe L. (2007) Gift Giving: An Interdisciplinary Review // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, vol. 12, no 4, pp. 275–307.
- Schervish P.G., Havens J.J. (2003) *New Findings on the Patterns of Wealth and Philanthropy*, Social Welfare Research Institute, Chestnut Hill.
- Stavrova O., Siegers P. (2014) Religious Prosociality and Morality across Cultures: How Social Enforcement of Religion Shapes the Effects of Personal Religiosity on Prosocial and Moral Attitudes and Behaviors // *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 40, no 3, pp. 315–333.
- Wiepking P., Handy F. (eds.) (2016) *The Palgrave Handbook of Global Philanthropy*, Springer.

Приложение 1.

Характеристики респондентов качественной части исследования

Жертвователи службы «Милосердие»		Жертвователи других благотворительных фондов	
Пол	Возраст	Пол	Возраст
ж	37	м	38
ж	28	ж	26
ж	46	ж	35
м	32	ж	38
ж	31	ж	52
ж	38	ж	62
ж	45		
ж	55		
м	46		
ж	27		

The Role of Religion in Charitable Donations: The Case of Parishioners of Moscow Parishes

I. KRASNOPOLSKAYA*, M. CHERNYSHEVA**,
I. KORNEEVA***, G. SOLODOVA****

***Irina Krasnopolskaya** – PhD, Researcher, Expert, Center for Civic Initiatives Assessment, Institute for Applied Political Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 18, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

****Marina Chernysheva** – PhD in Sociology, Senior Lecturer, School of Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 9/11, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: mchernysheva@hse.ru

*****Irina Korneeva** – Researcher, Expert, Center for Civic Initiatives Assessment, Institute for Applied Political Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 18, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ikorneeva@hse.ru

******Galina Solodova** – Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: gsolodova@gmail.com

Citation: Krasnopolskaya I., Chernysheva M., Korneeva I., Solodova G. (2021) The Role of Religion in Charitable Donations: The Case of Parishioners of Moscow Parishes. *Mir Rossii*, vol. 30, no 2, pp. 123–145 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-123-145

Abstract

Empirical surveys confirm the importance of religion and religiosity as factors which determine prosocial behavior, including charitable donations. We examined the donations made by parishioners in the logic of gift exchange, revealing the division between the donations to the nearer and the farther circle. The former includes supporting the parish, and the latter includes charitable donations to non-profit organizations. The data were collected via personal interviews with parishioners (N=16) of Moscow churches and an online survey of Orthodox donors (N=604) in 2019. We found that the donations to the nearer and the farther circle have different meanings for the donors. The donations to the nearer circle resemble reciprocal gift giving and have a normative nature, promoting group solidarity and belonging. Helping the farther circle pursues the motive of helping strangers, in the form of a non-reciprocal gift. Such charity is intended as an expression of faith, the struggle with passions and individual spiritual work. Through such non-reciprocal donations, an Orthodox self is formed and this self is improved as a believer.

Keywords: church giving, secular giving, philanthropy, motives, prosocial behavior, gift exchange, reciprocal gift exchange

References

- Adloff F. (2016) Approaching Philanthropy from a Social Theory Perspective. *The Routledge Companion to Philanthropy* (eds. Jung T., Phillips S.D., Harrow J.), Routledge, pp. 76–90.
- Allport G.W., Ross J.M. (1967) Personal Religious Orientation and Prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 5, no 4, pp. 432–443.
- Andreoni J., Payne A.A. (2013) Charitable Giving. *Handbook of Public Economics*, vol. 5, pp. 1–50.
- Barman E. (2017) The Social Bases of Philanthropy. *Annual Review of Sociology*, vol. 43, pp. 271–290.
- Bekkers R., Wiepking P. (1) (2011) A Literature Review of Empirical Studies of Philanthropy: Eight Mechanisms that Drive Charitable Giving. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 40, no 5, pp. 924–973.
- Bekkers R., Wiepking P. (2) (2011) Who Gives? A Literature Review of Predictors of Charitable Giving. I: Religion, Education, Age, and Socialization. *Voluntary Sector Review*, vol. 2, no 3, pp. 337–365.
- Berger I.E. (2006) The Influence of Religion on Philanthropy in Canada. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 2, pp. 110–127.
- Bibliya: Evangelie ot Luki. Stikh 10:30* [The Bible: The Gospel of Luke. Verse 10:30]. Available at: <https://www.rusbible.ru/sinodal/lk.10.30.html>, accessed 20.02.2021.
- Bibliya: Kniga Pritchej Solomonovykh. Stikh 15:27* [The Bible: The Book of Proverbs of Solomon. Verse 15:27]. Available at: <http://rusbible.ru/slavic/pritch.15.27.html>, accessed 20.02.2021.
- Blau P.M. (1964) *Exchange and Power in Social Life*, New York: John Wiley.
- Bradley J. (2012) *Obshchestvennyye organizatsii v tsarskoj Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society], Moscow: Novyj Khronograf.
- Clary E.G., Snyder M. (1991) *A Functional Analysis of Altruism and Prosocial Behavior: The Case of Volunteerism. Review of Personality and Social Psychology, Vol. 12. Prosocial Behavior* (ed. Clark M.S.), Sage Publications Inc., pp. 119–148.

- Clotfelter C.T. (1997) *The Economics of Giving*. Working Papers 97-19, Duke University, Department of Economics.
- Elder-Vass D. (2015) Disassembling Actor-network Theory. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 45, no 1, pp. 100–121.
- Emel'yanov N.N., Yudin G.B. (2018) Strukturnaya pozitsiya svyashchennika v sistemakh daroobmena [The Structural Position of a Priest in Gift Exchange Systems]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 17, no 3, pp. 9–29.
- Forbes K.F., Zampelli E.M. (2013) The Impacts of Religion, Political Ideology, and Social Capital on Religious and Secular Giving: Evidence from the 2006 Social Capital Community Survey. *Applied Economics*, vol. 45, no 17, pp. 2481–2490.
- Godbout J.T., Caille A.C. (1998) *World of the Gift*, McGill-Queen's Press.
- Grönlund H., Pessi A.B. (2015) The Influence of Religion on Philanthropy across Nations. *The Palgrave Handbook of Global Philanthropy* (eds. Wiepking P., Handy F.), London: Palgrave Macmillan, pp. 558–569.
- Havens J.J., O'Herlihy M.A., Schervish P.G. (2006) Charitable Giving: How much, by Whom, to What, and How. *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*, vol. 2, pp. 542–567.
- Healy N.M. (2000) *Church, World and the Christian Life: Practical-prophetic Ecclesiology*, Cambridge University Press.
- Heath S., Calvert E. (2013) Gifts, Loans and Intergenerational Support for Young Adults. *Sociology*, vol. 47, no 6, pp. 1120–1135.
- Helms S.E., Thornton J.P. (2012) The Influence of Religiosity on Charitable Behavior: A COPPS Investigation. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 41, no 4, pp. 373–383.
- Hoang H.T., Nguyen T.T., Reynolds J.F. (2019) Buddhism-based Charity, Philanthropy, and Social Work: A Lesson from Vietnam. *International Social Work*, vol. 62, no 3, pp. 1075–1087.
- Homans G.C., Behavior S. (1961) Its Elementary Forms. *Social Behavior*, vol. 119, no 3, pp. 488–531.
- Jackson E.F. et al. (1995) Volunteering and Charitable Giving: Do Religious and Associational Ties Promote Helping Behavior? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 24, no 1, pp. 59–78.
- Kabalo P. (2010) Philanthropy and Religion, Judaism. *International Encyclopedia of Civil Society* (eds. Anheier H.K., Toepler S.), New York: Springer, pp. 1175–1181.
- Karfagenskij K. (2016) *Kniga o blagotvoritel'nosti i milostyne* [Book about Charity and Alms], Moscow: Sibirskaya Blagozvonnica.
- Kashif M., De Run E.C. (2015) Money Donations Intentions among Muslim Donors: An Extended Theory of Planned Behavior Model. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, vol. 20, no 1, pp. 84–96.
- Khodorova Yu., Chertok M. (2016) *Issledovanie chastnykh pozhertvovaniy v Rossii 2015–2016 gg.* [Study on Private Donations in Russia in 2015–2016], Moscow: Fond podderzhki i razvitiya filantropii «KAF».
- Khodorova Yu., Chertok M., Smith M. (2014) *Sostradanie i spontannost': issledovaniya o massovykh pozhertvovaniyah v Rossii* [Compassion and Spontaneity: Research on Mass Donations in Russia], Moscow: CAF.
- Knorre B., Murashova A. (2019) Reciproknost' «po blagosloveniyu»: diskussionnye voprosy daroobmena v cerkovnom social'nom prostranstve [Reciprocity “by Blessing”: Discussion on the Gift Exchange in Clerical Social Space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 18, no 4, pp. 186–211.
- Lange T. (2014) Blagotvoritel'nost' i milostynya kak vazhnejshie aspekty hristianskogo blagochestiya v tvorenii ottsov donikejskogo perioda [Charity and Alms as the Most Important Aspects of Christian Piety in the Works of the pre-Nicene Fathers]. *Khristianskoe chtenie*, no 1, pp. 35–50.
- Larkina T.Yu., Yudin G.B. (2015) *Teoriya daroobmena i formirovanie soobshchestv* [The Gift Exchange Theory and Community Formation]. Preprint PSTGU. Seriya 2221–7320.
- Lenkov P.D. (2019) Social'noe sluzhenie v buddizme: analiz relevantnykh konceptov [Social Service in Buddhism: An Analysis of Relevant Concepts]. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo*, no 8, pp. 136–159.
- Luria G., Cnaan R.A., Boehm A. (2015) National Culture and Prosocial Behaviors: Results from 66 Countries. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 44, no 5, pp. 1041–1065.

- Malinovskij B. (2004) *Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana* [Argonauts of the Western Pacific], Moscow: ROSSPEN.
- Mersiyanova I.V. (2010) Uchastie rossiyan v denezhnyh pozhertvovaniyah: faktory i uroven' вовлеченности [Participation of Russians in Monetary Donations: Factors and Level of Engagement]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 5, pp. 26–53.
- Mersiyanova I.V. (2019) Chastnye pozhertvovaniya v Rossii: chto dvizhet zhertvovatelyami? [Private Donations in Russia: What Drives Donors?]. *HSE*, July 12, 2019. Available at: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/298462496>, accessed 20.02.2021.
- Mersiyanova I.V., Ivanova N., Korneeva I. (2014) *Russians' Participation in Cash Donations: Factors and Level of Involvement*. Series SOC "Sociology" No. 53/SOC/2014, Moscow: HSE.
- Miloserdie. Episkop Orekhovo-Zuevskij Panteleimon [The Mercy. Panteleimon, the Bishop of Orekhovo-Zuevo]. *Pravoslavnaya enciklopediya «Azбуka very»*. Available at: <https://azbyka.ru/1/miloserdie>, accessed 20.02.2021.
- Milostynya. Simfoniya po tvoreniam svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo [The Alms. Symphony on the Works of the Holy Righteous John of Kronstadt]. *Pravoslavnaya enciklopediya «Azбуka very»*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/simfoniya-po-tvorenijam-svyatogo-pravednogo-ioanna-kronshtadtskogo/132, accessed 20.02.2021.
- Moss M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noj antropologii* [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology], Moscow: KDU.
- O'Halloran K. (2010) Charity and Religion. *International Encyclopedia of Civil Society* (eds. Anheier H.K., Toepler S.), New York: Springer.
- Ostrovskaya E.A. (2005) *Religioznaya model' obshchestva* [Religious Model of Society], Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Putnam R.D., Campbell D.E. (2010) Walking away from Church. *Los Angeles Times*, October 17, 2010. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2010-oct-17-la-oe-1017-putnam-religion-20101017-story.html>, accessed 20.02.2021.
- Queen C.S., King S.B. (eds.) (1996) *Engaged Buddhism: Buddhist Liberation Movements in Asia*, SUNY Press.
- Sargeant A., Woodliffe L. (2007) Gift Giving: An Interdisciplinary Review. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, vol. 12, no 4, pp. 275–307.
- Schervish P.G., Havens J.J. (2003) *New Findings on the Patterns of Wealth and Philanthropy*, Social Welfare Research Institute, Chestnut Hill.
- Solodova G.S. (2006) Predstavleniya hristianstva o sotsial'nom neravenstve i trude [Christian Views on Social Inequality and Work]. *EKO*, no 6(384), pp. 138–154.
- Solodova G.S. (2015) Islamskaya traditsiya i otnoshenie k bogatstvu migrantov-musul'man [Islamic Tradition and Attitudes towards Wealth of Muslim Migrants]. *EKO*, no 9(495), pp. 158–165.
- Stavrova O., Siegers P. (2014) Religious Prosociality and Morality across Cultures: How Social Enforcement of Religion Shapes the Effects of Personal Religiosity on Prosocial and Moral Attitudes and Behaviors. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 40, no 3, pp. 315–333.
- Strauss A., Corbin D. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya. Protседury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques], Moscow: URSS.
- Tumanova A.S. (2010) Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoe prizrenie v istorii Rossii X – nachala XX v.: institucionalizatsiya v kontekste obshchestvennogo razvitiya [Charity and Public Care in the History of Russia in the 10th – early 20th Centuries: Institutionalization in the Context of Social Development]. *Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii* [Potential and Ways of Development of Philanthropy in Russia] (eds. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I.), Moscow: HSE, pp. 54–114.
- Veber M. (1990) *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic Sociological Concepts], Moscow: Progress.
- Wiepking P., Handy F. (eds.) (2016) *The Palgrave Handbook of Global Philanthropy*, Springer.
- Yudin G.B., Oreshina D.A. (2016) Daroobmen i regulyatsiya potrebitel'skogo kreditovaniya v soobshchestvakh: sluchaj pravoslavnykh prihodskikh obshchin [Gift Exchange and Regulation in Communities: the Case of Orthodox Parishes] [Gift Exchange and Regulation

of Consumer Lending in Communities: The Case of Orthodox Parish Communities]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 110–134.

- Zabaev I.V. (2005) Pravoslavie i khozyajstvo. Obzor russkoyazychnyh issledovaniy, dissertacionnyh rabot, konferencij, polemiki po osnovnym social'no-ekonomicheskim doktrinom RPC za period XIX – nachalo XXI vv. [The Orthodoxy and Economy. The Review of Russian-language Studies, Doctoral Theses, Conferences, Discussion on the Major Social-economical Doctrines of the Russian Orthodox Church for the 19th– early 21st Centuries]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 5, pp. 108–144.
- Zabaev I.V., Zueva A.V., Koloshenko Yu.A. (2018) Smirenje i dar: izbiratel'noe srodstvo institutov i etiki na prihodah Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Humility and The Gift: The Elective Affinity of Institutions and Ethics in Orthodox Parishes]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 4, no 1, pp. 33–62.